Феофан ПРОКОПОВИЧ

Слово на погребение всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго,

императора и самодержца всероссийскаго, отца Отечества, проповеданое в царствующем Санктъпетербурге, в церкви Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, святейшаго Правительствующаго Синода вицепрезидентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским, 1725, марта 8 дне *

Что се есть? До чего мы дожили, россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великаго погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привúдение? Ох, как истинная печаль! Ох, как известное наше злоключение! Виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший прямый сын Отечествия своего отец, которому по его достоинству добрии российскии сынове бессмертну быть желали, по летам же и состава крепости многолетно еще жить имущаго вси надеялися, — противно и желанию и чаянию скончал жизнь и — о, лютой нам язвы! — тогда жизнь скончал, когда во трудах, беспокойствах, печалях, бедствиях по многим и многообразных смертех жить нечто начинал. Довольно же видим, сколь прогневали мы Тебе, о Боже наш! И сколь раздражили долготерпение Твое! О недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! Не видяй сего, слеп есть, видяй же и не исповедуяй, в жестокосердии своем окаменен есть. Но что нам умножать жалости и сердоболия, которыя утолять елико возможно подобает. Как же то и возможно! Понеже

* В издании опечатка: «10 дне».

есть ли великия его таланты, действия и дела воспомянем, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистину столь печальной траты разве бы летаргом некиим, некиим смертообразным сном забыть нам возможно.

Кого бо мы, и какового, и коликаго лишилися? Се оный твой, Россие, Сампсон [1], каковый да бы в тебе могл явитися, никто в мире не надеялся, а о явлшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную, адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел Отечеству полезное, всюду громкое и славное. Когда Отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же восстающая на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о Россие, Иафет [2], неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание корабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так вычше удивления всея селенныя, и отверзе тебе путь во вся концы Земли и простре силу и славу твою до последния окиана, до предел ползы твоея, до предел, правдою полагаемых, власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на море крепкую и постоянную сотворил.

Се Моисей [3] твой, о Россие! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерешимая оковы злодеяния! Не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим, высокоправительствующий синклит и под ним главныя и частныя правительство, от него учрежденныя! Не свеила ли суть тебе к познанию пользы и ко отражению вреда, к безопастию миролюбных и ко обличению свирепых! Воистину оставил нам сумнение о себе, в чем он лучший и паче достохвалный, или яко от добрых и простосердечных любим и лобызаем, или яко от нераскаянных льстецов и злодеев ненавидим был.

Се твой, Россие, Соломон [4], приемший от Господа смысл и мудрость многу зело. И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влиянная и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданския, и честныя образы житейскаго обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний вид и наличие краснопретвореное, яко же Отчество наше, и отвнутрь и отвне, несравненно от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твой, о и Церкве российская, и Давид, и Константин [5]. Его дело — правительство синодальное, его попечение — пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произвносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасеннаго! Коликия ревности на суеверия, и лестническия притворы, и раскол, гнездящийся в нас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в нем и желание было и искание вящщаго в чине пастырском искусства, прямейшаго в народе богомудрия и изряднейшаго во всем исправления!

Но, о многоименитаго мужа! Кратким ли словом объеимем бесчисленныя его славы, а простирать речи не допускает настоящая печаль и жалость, слезить токмо и стенать понуждающая. Негли со временем ничто притупится терн сей, сердца наша бодущий, и тогда пространнее о делах и добродетелях его побеседуем. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можем; а ныне, кратко воспоминающе и аки бы токмо воскрилий риз его касающеся, видим, слышателие, видим, беднии мы и несчастливии, кто нас оставил и кого мы лишилися.

Не весьма же, россияне, изнемогаим от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которые вышеименованными его делами означилися, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет; сделал врагам страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Ибо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам.

Наипаче же в своем в вечная отшествии не оставил нас сирых. Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямаго по нем помощника в жизни его и подобонравного владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и матерь всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетелское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому неизвестно! А когда обое то утвердилося в тебе и совершилося, не просто сожитием толикаго монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, и разноличных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он иметь ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил. Как нам не надеятся, что сделанная от него утвердишь, недоделанная совершишь и все в добром состоянии удержишь. Токмо, о душе мужествен-

ная, потщися одолеть нестерпимую сию болезнь твою, аще и усугубилася она в тебе отъятием любезнейшей дщери и, аки жестокая рана, новым уязвлением без меры разъярилася. И якова ты от всех видима была в присутствии подвизающагося Петра, во всех его трудах и бедствиях неотступная бывши сообщница, понудися такова же быти и в прегорьком сем лишении.

Вы же, благороднейшее сословие, всякаго чина и сана сыне российскии, верностию и повиновением утешайте государыню и матерь вашу, утешайте и самих себе, несумненным познанием Петрова духа в монархине вашей видяще, яко не весь Петр отошел от нас. Прочее припадем все Господеви нашему, тако посетившему нас, да яко Бог щедрот и отец всякия утехи ея величеству самодержавнейшей государыни нашей и ея дражайшей крови — дщерям, внукам, племянницам и всей высокой фамилии отрет сия неутолимыя слезы и усладит сердечную горесть благостынным своим призрением и всех нас милостивне да утешит. Но, о Россие, видя кто и каковый тебе оставил, вижды и какову оставил тебе. Аминь.